

## ОБРАЗ РУСАНОВА В РОМАНЕ «РАКОВЫЙ КОРПУС» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Одна из исследовательниц творчества А. И. Солженицына Розин Лэвен в журнале «Драло Руж» по воспоминаниям Решетовской так сказала о главном идейном антагонисте Костоглотова: «Литературная сила Солженицына такова, что Русанов, силен и так же человечен, как и его антипод. У Русанова есть ощущение, что он все потерял, когда входит в палату. Но ему нечего терять, потому что все, что у него есть – ложь...» [4, с. 143]. Как справедливо замечает Розин Лэвен, образ Павла Николаевича действительно является образом огромной художественной силы и содержательной наполненности. Созданный Солженицыным, собирательно-обобщающий образ Русанова – типичный в крайней степени своей, представляющий собой один из тех многочисленных элементов исправно работающей репрессивно–тоталитарной машины, звено ее партийно-бюрократического аппарата.

Роман «Раковый корпус» начинается с авторской речи, чередующейся с несобственно-прямой речью Русанова, стилистически окрашенных вкраплений выражения его сознания, свойственных ему мирозерцательных позиций. Данное утверждение широко представлено многочисленными нравоучениями! выражающими недоброжелательную позицию говорящего.

– «И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами!» [6, с. 6]

– «Вот уж ума не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протезный или кишечный» [6, с. 3].

– «Сколько еще в нашем населении неискорененного хамства! И как его с этим грузом вести в новое общество!» [6, с. 21]

Явственно видно, что не автору неприятен номер корпуса, а само возмущение и неприятие Русановым своего загнанного положения заявляет здесь о себе уже с первых строк романа и возрастает по мере развития событийного плана. И вскоре и сам автор спешит заметить, что все было Павлу Николаевичу неприятно: начиная с убогих, казенных помещений больницы и заканчивая криками боли «одного русского парня» [6, с.4]. Именно неприятие и неприятие, а не сожаление или сочувствие, присутствует в отношении героя к чужим ему больным людям. Солженицын, будучи мастером детализации, говорит о том, что Павел Николаевич «...хотел было сесть. Но скамьи казались грязными и еще надо было просить подвинуться какую-то бабу в платке с сальным мешком» [6, с. 5]. Именно последнее обстоятельство и препятствует ему в осуществлении желаемого. Соприкосновение с простыми людьми, не из мира партийной номенклатуры, болезненно отражается на самочувствии Русанова. Не хочет и не может смириться Павел Николаевич с тем, чтобы лечь в больницу на общих основаниях. «Ну, может быть, с Москвой еще как-нибудь

устроится» [6, с. 4], а вместе с этим и совсем нечуждое человеку неверие в неизбежное вырывается из груди Русанова: «Но ведь у меня – не рак, доктор? У меня ведь – не рак?» [6, с. 3]

Изначально Павел Николаевич никогда не должен был оказаться в стенах тринадцатого ракового корпуса как один из тех простых людей, которых он искренне презирал. Русанов негодует, когда медсестра Мита пытается успокоить его, обобщая ситуацию: «Если она говорила «ко всем», то что е: объяснять?» [6, с. 7]. Будучи «особо ценным работником» в анкетном хозяйстве, занимая ответственный пост, Павел Николаевич привык к тому, чтобы быть обособленным от населения, а не причисленным к нему, пользоваться дополнительными привилегиями, а не ущемлять себя. По мнению Русанова, персонал больницы пренебрегает его исключительным положением, не оказывает должного внимания, полагавшегося ему по статусу.

Но каким бы случайным ни казалось вначале присутствие Русанова в тринадцатом корпусе, исходящее из его рассуждений, выраженных как прямой, так и несобственно-прямой речью, для целостного нравственного облика произведения введение данного персонажа в канву романа представляется нам в высшей степени принципиальным. Поскольку Русанов является носителем камерного сознания, находящегося в узких рамках диалектико-материалистического мировоззрения и потому в системе идеологического противоборства занимает позицию, противоположную взглядам и жизненному опыту главного героя романа Олега Костоглотова. Подобное идейное и нравственное противостояние угнетающего и угнетенного, палача и жертвы наличествует во многих произведениях А. И. Солженицына («Один день Ивана Денисовича», «В круге первом»), но только в «Раковом корпусе» герои-антагонисты находятся на равных предстартовых позициях для обличения и, уничтожения друг друга. Таким образом, создается «узловая» конструкция сюжета, из которой и исходит главный конфликт романа.

«Русановых миллионы, – говорил А. И. Солженицын во время обсуждения «Ракового корпуса» в «Новом мире», – над ними не будет юридического суда, тем более должен быть суд литературы и общества. А без этого мне и литература не нужна, и писать не хочу» [2, с. 146]. Павел Николаевич представляет собой собирательный образ «не только просто доносчика и клеветника, а человека, искренне впитавшего в себя ту атмосферу лжи, при которой стала возможна система доносов и клеветы» [5, с. 289]. И в раковом корпусе апологет советской системы не может оставить привычку, выработанную всем его добольничным опытом, к заискиванию и фарисейству перед «сильными мира сего», сопряженную с подавлением инакомыслящих. При рассмотрении «Ракового корпуса» к печати в «Новом мире» многие критики (А.М. Борщаговский, А.В. Каверин, И.Ф. Винниченко и другие) высказали мысль о том, что Русанов создан писателем слишком прямолинейно, откровенным негодяем, резко отрицательное отношение к которому местами изобилует не в пользу художественной ценности произведения. Сам же.

Солженицын на подобного рода литературные обвинения ответил следующим образом: «Я пытался Русанова всеми силами рисовать с симпатией, пытался со всеми силами оправдать...– а потом несколько подумав, автор добавляет, – ну, не всегда всеми силами...Но где-то срывается на отрицательное отношение, где-то не хватает» [5, с. 293].

Порой Солженицын изобличает своего героя с сочувствием. В романе приверженец тоталитаризма предстает не властителем дум, грозным и не знающим страха, а жалким существом «с испариной на лбу» в бреду переживающим возвращение реабилитированных и свое скорое разоблачение и возмездие над ним. Пропуская образ Русанова через видение других обитателей палаты №13, в частности Ефрема, автор именует его уже не Павлом Николаевичем, а такими стилистически яркими прозвищами как «золотоочкастый», «белорылый курортник», и просто «белорылый», «чистюля», «хиляк», «профессор», «доцент», «лысый», «очкарик», делая акцент на его физической невнушительности и претенциозно ученой внешности. Авторская позиция по отношению к Русанову просматривается и в описании партийного чиновника: «Редкие белые волосики, уцелевшие от облысения, были разлизаны по темени» [6, с. 193], что свидетельствует о снисходительности в изображении героя.

Оставшись наедине со своей болезнью, Русанов испытал чувство безысходности, так удачно обходимое им ранее. Несобственно-прямой речью передает Солженицын состояние своего героя: «Стоило только переодеться под лестницей, проститься с родными и подняться в эту палату – как захлопнулась вся прежняя жизнь» [6, с. 10]. Не случайно путь от жены до больничной палаты преодолевается Русановым по лестнице как символу перехода из мира здравствующих в мир болезней, причем векторная направленность движения происходит вверх, что свидетельствует о нелегкости предстоящего, о пребывании Русанова на его собственной Голгофе. Но нарастающий пафос восхождения автор спешит снизить, а то и вовсе снять с помощью иронии, как бы забывая ключевое слово «гильотина» в ряду патетически выстроенных образов мученического восприятия мира. «Сердце его забилося, и еще не от подъема совсем. Он восходил по ступенькам, – сообщает автор о Русанове, – как всходят на этот, на как его... ну, вроде трибуны, чтобы там, наверху, отдать голову» [6, с. 9]. Солженицын показывает, что его герою не чуждо болезненно-внимательное отношение к себе, жалость, приобретающая окраску самоисступленного погружения в свои страдания. И здесь переживания Русанова как человека вполне понятны и объяснимы. Герметичный, камерный мир замкнутого пространства палаты, в которую Солженицын помещает своих героев, видится Русанову по вполне объективным причинам мерзким, себя же он чувствует рыбой, пойманной опухолью на крючок, и брошенной «на железную койку – узкую, жалкую, со скрипящей сеткой, со скудным матрасиком» [6, с. 10]. Но более несносно Русанову как карьерно продвинувшемуся апологету советской власти то, что «надо было смотреть на

восемь пришибленных существ, теперь ему как бы равных» [6, с. 10]. И это «равенство среди неравных» очень сильно досаждало Русанову.

Павел Николаевич является носителем типа сознания «стукача», порожденного эпохой тоталитаризма. Ответственный работник, начальник отдела кадров, профессиональный доносчик, герой любит «народ» в целом, но не испытывает нежных чувств к конкретно взятому человеку. Начиная свой путь, работая на макаронной фабрике, постиг науку фарисейства и вскоре занял ответственную должность. Доносы на товарищей составили органичное и эффективное средство к достижению целей. Но Русанов не стоит на пороге раскаяния, что тревожит его внутренний покой – это страх возмездия в виде «прямого удара кулака», еще с детской драки у Русанова осталось на всю жизнь – «ужасное ощущение со всех сторон тебя встречающих костистых жестоких кулаков» [6, с. 165].

Оторванный от системы, брошенный болезнью в чуждое и презираемое им окружение, Русанов во сне загнан в трубу, по которой ползет в поисках выхода. Как отметил критик В.А. Каверин: «... сила этой фигуры в том, что скальпель смерти вскрывает и страх доносчика и убийцы. Он, конечно, сильное воплощение мертвого идола сталинизма, может быть, сильнее еще написан во сне, чем наяву, потому что вскрыты какие-то глубины его существа» [5, с.254]. Этот сон Русанова другой литературовед Е.Б. Тагер назовет позднее «фантастической логикой бреда» [3, с.84], одной из сложнейших задач, которую только может поставить перед собой автор – изобразить героя изнутри через сновидения, вызванные болезненной реакцией на укол, где грань между действительностью и сознанием в бреду стерта умелым росчерком пера гения. При этом примечательным в произведении является метонимическое упрощение, сведение портретного образа всего героя до образа-детали, образа-характеристики. На использование метонимии в качестве художественного приема при создании образа как характерную черту творчества А.И. Солженицына указал А.В. Урманов [7, с.27]. Исследователь творчества А.И. Солженицына обращает внимание на то, что Александр Исаевич не дает подробного портрета своего героя, а ограничивается конкретными деталями внешности персонажа, по которым читатель воссоздает целостный образ.

В романе «Раковый корпус» автор метонимически сводит весь физический и нравственный облик Русанова к ушам и очкам, тем самым подчеркивая в нем дух доносничества, а порой и вовсе отождествляет его с органами перцепции. Русанов все видит и все слышит, присматривается и подслушивает, а потом решает, что надо неблагонадежного «проверить». Подобную реакцию вызывает у него спор с Костоглотовым: «Тут не возражать, не спорить надо было по-субботному, а надо было проверить, что это за человек, откуда он, из чьих, – и его вопиюще-неверные взгляды не вредят ли занимаемой должности» [6, с.123].

Увидеть или услышать, а потом донести, а не открытые выпады, являются определяющими в его методах борьбы с подпавшими под подозрение.

Это понимает и художественно изображает автор с помощью метонимии, тем самым снабжая образ все большей убедительностью. По мнению А.В. Урманова, предметный мир в случаях с изображением «сильных мира сего» в произведениях А.И. Солженицына носит «аристократический характер», подчеркивает кастовую принадлежность персонажа. Не случайно, именно очки с золотой оправой у Русанова выбраны Солженицыным в качестве антропологизированной вещи, свидетельствуя о его привилегированном статусе. Очки здесь, кроме своей основной функции, выполняют еще и дополнительную функцию идейно-эстетической нагрузки. Образ очков здесь – это приспособление, с помощью которого Русанов привык смотреть на мир, через что преломляется его собственный природный взгляд на вещи, то, что скрывает его сущность и без чего он уже не может жить. Образ очков – это русановский взгляд на мир, со свойственной ему догматичностью и узостью.

Так, Ефрем Поддубев, не обинуясь, отождествляет Русанова с его очками, называя его «золотоочкастым», а сам автор и вовсе антропологизирует этот предмет обихода, сообщая, как «потешались золотые очки», когда Русанов издевательски растолковывал образ писателя Л. Толстого, видя в нем «не нашу мораль».

Солженицын не только замещает весь образ Русанова очками, но и упоминает о них, когда речь идет о выражении эмоций: Русанов «блеснул *очками* и оправой» [6, с.122], выражая сдержанный гнев в споре с Костоглотовым, в другом же эпизоде «Костоглотов уставился темным недоброжелательным взглядом в светлые *очки* и светлые глаза Павла Николаевича» [6, с.133] или же, наоборот, посредством очков выражается одобрение, так, например, при высказывании идеологически правильных мыслей Вадима, Русанов «приветливо сверкал *очками*» [6, с.178]. Очки в данном контексте выступают как символ возможности видеть только под определенным углом зрения, как неспособность Русанова оценивать происходящее без согласования с установившимися директивами свыше. Так в разгаре идейного спора с Костоглотовым Русанов заявляет: «Есть вопросы, по которым установилось определенное мнение! И вы уже не можете рассуждать» [6, с.122].

Очки придают Русанову большей внушительности: «лысый, в тюбетейке и в *очках*, строго сидящий в постели, Павел Николаевич почему-то напоминал учителя, да не какого-нибудь, а заслуженного, вырастившего сотни учеников» [6, с.43], а во время сна после укола оказывается и еще одна немаловажная деталь, что «без очков да еще на подушке голова его не имела начальственного вида» [6, с.169]. Так и система власти, которую отстаивает Русанов, придает ему значимость в обществе и лишает ее, когда Павел Николаевич оказывается в больничной палате вне системы ее анкетного хозяйства, которое он досконально изучил и использует кроме всего прочего в качестве запугивания и наказания.

Ведя нравоучительные увещевания, Русанов неизменно поправляет свои очки, словно осведомляясь, при нем ли его партийно-бюрократический атрибут, четкость и незыблемость видения. Собираясь отреагировать на выпады Поддудева в его адрес, Русанов «поправил очки с золоченым ободочком, посмотрел на Ефрема строго, как умел смотреть» [6, с.11]. Собираясь же выразить свое недовольство докторам, Русанов «приподнимается и надевает очки» [6, с.17], в другом месте «сел он как следует, надел очки» [6, с.20], в разговоре о системе образования Русанов снимает и протирает очки, словно на некоторое время решает прояснить загнанную в угол свою систему взглядов; не найдя траурной статьи о годовщине смерти Сталина, Русанов «сквозь очки, со сжатым лбом и страдая» [6, с.271] лихорадочно пытается понять, чем грозят грядущие перемены, ведь ему сквозь призму его сложившейся системы взглядов невозможно взглянуть на них под другим углом.

В споре с Костогловым, всегда защищенный государством, Русанов не находит контраргументов, поскольку привык, что официальная идеология всегда обосновывала его взгляды за него, «обожжённый, оскорблённый этой бандитской наглостью, омерзительным жестом и руганью, Русанов задыхался и поправлял *соскочившие очки*» [6, с.353], но все равно «плохо видел обидчика, потому что не мог наладить *очков*». И сам Костоглов в том же споре о соцпроисхождении апеллирует к внешности Русанова, выдающего в нем кабинетного работника: «...покажите ваши мозоли! А отчего ваши ручки такие белые да пухлые?» [6, с.353]

Когда же Русанов находится в крайне затруднительном состоянии, переживая последствия от повышения дозы укола и не выказывая никаких признаков поведения партийного деятеля, а будучи просто страдающим от своей болезни человеком, он «ворочался мало, очков не надевал, не встречал в разговоры», но стоило ему почувствовать себя лучше, как Русанов «выбрался из закатистой кровати, надел пижаму, шлепанцы, очки, и пошел, тихо шаркая» [6, с.173], а значит прихватив с собой вместе с образом очков и неизменную ему систему взглядов угнетателя и палача, с которой он не расставался ни на минуту. Но, разговаривая с сыном, Павел Николаевич уже «был без очков всю прогулку, лицо отдыхало, глаза отдыхали» [6, с.348], и понимая, что Юра совершил в своей поездке ряд идеологических просчетов, Русанов ведет себя сдержанно, не как представитель партии, а как отец, жалеющий о беспутстве своего сына. Из этого следует, что метонимически обобщенные образы очков и ушей представляют собой сопутствующие и обязательные элементы при изучении характера главного героя, раскрытия его внутреннего мира, обозначении узости и зашоренности его идеологического сознания.

Анализ образа Русанова представляется в высшей степени принципиальным с точки зрения его идейно-художественного. Солженицын в образе Русанова осуждает как носителей камерного сознания, находящихся в узких рамках диалектико-материалистического мировоззрения, так и тоталитаризм как явление в целом.

### Литература

1. Дюжев Ю. «Для этой страны, где живешь»: [Пробл. нравственности народа в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус»]//Север. – 1992. – №3. – С.145-155.

2. Клинг О. «... К лучшему в себе, к лучшему себе...»: [Попытка портрета Е.Б. Тагера с приложением его отзыва о «Раковом корпусе» и ответа А.И. Солженицына]//Вопр. лит. – 1991. – №11/12. – С. 70-91.
3. Решетовская Н.А. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены. – М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1994. – 367с.
4. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962-1974 / [сост. В. Глоцер]. – М.: Русский путь, 1998. – 496с.
5. Солженицын А.И. Раковый корпус: Повесть / А.И. Солженицын. – М.: Худож. лит., 1990. – 462с.
6. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: Учебное пособие/ А.В. Урманов. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2004. – 384с.

#### **Аннотация**

Акопьянц Н.М. Образ Русанова в романе «Раковый корпус» А.И. Солженицына. В статье осуществляется художественный анализ образа Русанова Павла Николаевича, главного героя романа «Раковый корпус» А.И. Солженицына. На примерах использования автором метонимического замещения и на основе анализа функций предметных образов в статье образ данного персонажа показан в единстве гротескно-комического и ироничного изображения.

**Ключевые слова:** художественный образ, метонимическое замещение, предметный мир, детализация, идейно-художественное изображение.

#### **Анотація**

Акоп'янц Н.М. Образ Русанова в романі «Раковий корпус» А.І. Солженіцина.

У статті здійснюється художній аналіз образу Русанова Павла Миколайовича, головного героя роману «Раковий корпус» А.І. Солженіцина. На прикладах використання автором метонімічного заміщення і на основі аналізу функцій предметних образів у статті образ даного персонажу показаний в єдності гротескно-комічного й іронічного зображення.

**Ключові слова:** художній образ, метонімічне заміщення, предметний світ, деталізація, ідейно-художнє зображення.

#### **Summary**

N.M. Akopjants. The image of Rusanov in the novel «Cancer Ward» by O. I. Solzhenitsyn. On the example of analysis of the metonymical substitution used by the author in his novel and on the basis of analysis of the junctions of the things-images the image of Rusanov in the article is shown in unity of grotesque-comic and ironic representation.

**Key words:** fiction image, metonymical substitution, things-images, detailed elaboration, representation of ideas and stylistic devices.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л. Г. Фризманом.